

Научная статья

УДК 39

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17304>

EDN: <https://elibrary/ROVTDL>

МЕМЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ РОССИИ И КИТАЯ

Г.В. Денисова , О.В. Смирнова ,
С.Б. Стебловская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 denissovagv@my.msu.ru

Аннотация. Исследование разворачивается в логике компаративистского анализа актуальной разновидности медиаконтента — интернет-мемов. Мем-повестка изучена в ракурсе репрезентации семейных отношений в обществе через их фиксацию в медиaprостранстве, что ведет к формированию устойчивых нарративов. Мем рассматривается как универсальная коммуникативная единица, позволяющая преодолевать межкультурные барьеры, прежде всего, благодаря визуальной составляющей и смешению разных узнаваемых кодов на глобальном уровне. Одновременно авторы подчеркивают, что, несмотря на использование помимо языковых средств и, казалось бы, общедоступных для понимания визуальных средств, мемы часто содержат как эксплицитные, так и имплицитные отсылки к национальному культурному коду, что создает сложности для их восприятия и адекватной интерпретации у аудитории, принадлежащей к разным этнокультурным группам. Методология исследования разрабатывалась на основе антропоцентрической парадигмы научного гуманитарного знания, способствующего осуществлению перехода от описания, классификации и систематизации строго языковых явлений к моделированию комплексных семиотических ансамблей в системе человеческих отношений. Исследование проводилось на основе мониторинга, в котором приняли участие студенты факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова в мае — июне 2025 г. Отбор проводился из персонализированных лент социальных сетей, в том числе Xiaohongshu, WeChat, VK. В работе нашел подтверждение статус мема как мультилингвистической единицы интернет-коммуникации и как поликодового медиапродукта, генерирующего смыслы/контексты с одновременным использованием широкого набора кодов. Проведенный сравнительный анализ российских и китайских мемов семейной тематики позволил зафиксировать ряд тенденций, связанных с состоянием меметической культуры в контексте поликодовой коммуникативной культуры и отражающих ключевые стратегии в конструировании конфликтогенной повестки. Было выявлено, что мем не может однозначно рассматриваться как универсальная коммуникативная единица, так как и вербальные, и визуальные элементы мема в большинстве случаев содержат эксплицитные и имплицитные отсылки к национальному культурному коду; этнокультурная специфика проявляется как в плане конструирования мемов, так и на семиотическом уровне. Что же касается репрезентации семейных отношений в мемах, то она также содержит этнокультурные референции и отчасти свидетельствует об общем уровне конфликтности в обществе.

Ключевые слова: поликодовый текст, мемосфера, контент-анализ, концепт «семья», интернет-мем.

Для цитирования: Денисова Г.В., Смирнова О.В., Стебловская С.Б. Меметическая культура: анализ репрезентации семейных отношений в интернет-мемах России и Китая // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 53–67. DOI: 10.18721/JHSS.17304

MEMETIC CULTURE: AN ANALYSIS OF THE FAMILY RELATIONSHIPS REPRESENTATION IN INTERNET MEMES IN RUSSIA AND CHINA

G.V. Denisova , O.V. Smirnova ,
S.B. Steblovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 denissovagv@my.msu.ru

Abstract. The present paper unfolds within the framework of a comparative analysis of a relevant type of media content: Internet memes. The meme agenda has been studied from the perspective of how family relationships are represented in society through their fixation in the media space, which leads to the stable narrative's formation. Memes can be interpreted as a universal communicative unit that allows to overcome intercultural barriers, primarily due to visual components and universally recognizable codes. At the same time, memes often contain both explicit and implicit references to national cultural codes, which can create difficulties for the perception and adequate understanding by different linguacultural groups. The research methodology is based on the anthropocentric paradigm of scientific humanities knowledge. For the purpose of this research, a monitoring among students of the Faculty of Journalism at Lomonosov Moscow State University in May and June 2025 was conducted. A random selection of memes was conducted manually from personalized social media feeds, including Xiaohongshu, WeChat, VK. The study confirms the status of the meme as a multilingual unit of Internet communication and as a polycode media product that generates meanings/contexts through the simultaneous use of a wide range of codes. The comparative analysis of Russian and Chinese memes with a family theme has revealed a number of trends related to the state of memetic culture. It was found that a meme cannot be unequivocally regarded as a universal communicative unit, since both the verbal and visual elements of a meme in most cases contain explicit and implicit references to the national cultural code. Also, ethnocultural specificity is manifested both in the construction of memes and at the semiotic level and the representation of meme family relationships not only contains ethnocultural references but also reflects the overall level of conflict in society.

Keywords: polycode text, memosphere, content analysis, concept of family, Internet meme.

Citation: Denisova G.V., Smirnova O.V., Steblovskaya S.B. Memetic Culture: An Analysis of the Family Relationships Representation in Internet Memes in Russia and China, *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 53–67. DOI: 10.18721/JHSS.17304

Введение

Креолизованные интернет-мемы как актуальный медиаформат представляют собой сложные тексты, объединяющие визуальный и вербальный компоненты в единое смысловое целое и играющие значительную роль в формировании и закреплении социальных представлений о картине мира. Под «креолизованным мемом» понимается «текст, состоящий из вербальной и невербальной (изображение) частей: речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи» [1, с. 9], что отвечает феномену поликодности и полимодальному дискурсу, на которые методологически ориентируется данное исследование. В условиях мультилингвизма цифрового пространства меммы часто относят к типу медиаконтента, содержащего универсальный коммуникативный код.

Исследования мема в лингвистическом аспекте и в целом вся активно развивающаяся меметика резонируют с трендом визуального (мультимодального) поворота: «Сегодня можно констатировать, что внутри лингвистики также сместился акцент с признания языка главным кодом

и архимедиумом коммуникации на изучение возможностей другого медиума — визуальной презентации смыслов и идентичностей» [2, с. 101]. В данной работе предлагается определять мем как массово ориентированный поликодовый медиапродукт, единицу интернет-коммуникации, генерирующую смысл через несколько каналов (кодов) одновременно.

В настоящее время явление поликодности изучается в междисциплинарном ключе [3, 4]. Большое внимание мему как важной коммуникативной единице современного медиaprостранства уделяется в рамках медиалингвистики [5, 6], представляющей комплексный подход к данной научной проблематике.

Методология данного исследования ориентируется на антропоцентрическую парадигму научного гуманитарного знания, способствующую осуществлению перехода от описания, классификации и систематизации языковых явлений к моделированию комплексных семиотических ансамблей в системе человеческих отношений. Особую значимость при таком подходе приобретает рассмотрение вопросов, связанных с эффективностью и точностью коммуникативных процессов, а также с особенностями обработки крупных информационных массивов в динамике их организации на современном этапе репрезентацией реальности посредством поликодовых текстов и формирования полимодальных дискурсивных моделей. Действительно, с одной стороны, визуальная природа мемов наряду с тенденцией к смешению кодов (транслитерация, англицизмы, пиктографика и пр.) и стремление к высокому уровню социальной индексальности [7] позволяют преодолевать межкультурные барьеры [8]; однако, с другой стороны, лаконизм и высокая семантическая плотность мемов обуславливают имплицитные отсылки не столько к универсальному, сколько к национальному культурному коду, что создает предпосылки для межкультурных коммуникативных сбоев при декодировании контента представителями различных лингвокультур [9, 10]. Также важным свойством мемов является их способность реагировать на актуальные события и отражать социальные противоречия, которые могут быть классифицированы по степени экспликации: открытый конфликт характеризуется очевидным вербальным или визуальным выражением и явной демонстрацией противостояния, в то время как имплицитный конфликт проявляется через иронию, сарказм, ценностное отчуждение [11]. Использование меметических средств позволяет актуализировать и делать более доступными для восприятия комплексные социокультурные проблемы. В этом смысле мы считаем анализ интернет-мемов эффективным инструментом для диагностики социальной напряженности.

Рассмотрение репрезентации в мемах трансформации семейных отношений представляет особый интерес, так как меметический контент выступает одновременно и как инструмент генерации, и как способ отражения межпоколенческих конфликтов. Отражение в мемах таких конфликтов ведет к семиотическому сдвигу: поколенческая идентичность начинает конструироваться не столько через биологический возраст, сколько через общность культурных маркёров и практик медиапотребления [12, 13].

Гипотеза исследования: рефлексия концепта «семья» находит отражение в мемосфере и обусловлена многоаспектным и разновекторным характером культурных контекстов и социальных паттернов, преломляющихся через культурные традиции и когнитивно-перцептивно-аффективный опыт индивида, что обуславливает вариативность, комплексность и диффузность его восприятия.

Для анализа в междисциплинарном ключе «семьи» как категории, представляющей важный элемент динамики социокультурного развития, в качестве эмпирического дизайна является эффективным экспериментальное изучение «следов» концептуализации категории «семья» в мемах. Под концептом в данном исследовании понимается обобщенная в коммуникативной деятельности и объединяющая различные элементы в единый семантический комплекс *мета-идея*, которая является крайне чувствительной к культурной специфике той общественной среды, где происходит ее поэтапное оформление, то есть концептуализация.

Концепт: 1) служит основой для интерпретации сходных понятийных категорий; 2) включен в определенную часть общественно разделяемой картины мира, формирующейся на основе индивидуального опыта социализации и профессионализации; 3) соотносится с конвенционализированными постулатами и стереотипными суждениями; 4) опосредован разными семиотическими конструктами – моделями его знаковой репрезентации и экспликации, которые непосредственно связаны с дискурсивной аспектизацией необходимых для последующей трансляции элементов структурирования общественного восприятия. При этом можно говорить о концептуализации и как о динамическом и конструктивном процессе, и как о процессе деконцептуализации, реверсивном и деконструктивном.

Исследования показывают, что мемы принимают активное участие в процессе поколенческого отчуждения [14, 15], а также выступают в роли носителей сообщений, которые конструируют, распространяют и укрепляют упрощенные образы «молодые»/«старые» и в целом дихотомию «отцы»/«дети» с различием не только в моральных ценностях и мировоззренческих установках, но и в уровне цифровой грамотности и медиапотребления. Происходящий семиотический сдвиг создает условия, при которых принадлежность к поколению начинает определяться в большей степени общими культурными маркёрами и практиками, нежели биографическим возрастом [16]. Этот феномен встраивается в широкий социологический контекст изучения межпоколенческих конфликтов, которые являются не просто следствием возрастных различий, но также (а, возможно, и прежде всего) продуктом специфического исторического и социального опыта, формирующего коллективное сознание групп [17, 18].

Не будет большим преувеличением утверждать, что в современных условиях именно мемы выступают в роли «зеркала» семейных отношений и стереотипов о них, существующих в обществе [19]. Функционируя как цифровые артефакты, они формируют национальный культурный опыт, причем их потребление носит осознанный коллективный характер [20]. Однако при кажущейся «безобидности» мемы способны выполнять также разрушающую и/или дестабилизирующую функцию [21, 22].

Мем как цифровой конструкт, заточенный на интерес к проблемным сторонам социокультурной действительности, способствует документализации конфликтного дискурса через привлекательную репрезентацию противоречий идеологического, семантического и социального характера. Под репрезентацией в данном случае предлагается понимать «опосредованный ментальный конструкт, субституирующий в сознании индивида действительность, в том числе ее аспекты, которые ввиду своей абстрактной природы исключают возможность прямого эмпирического наблюдения» [23, с. 47].

Современные исследования интернет-мемов развиваются в нескольких ключевых направлениях и с применением междисциплинарных подходов: 1) мем изучается как неотъемлемый элемент цифровой культуры [24, 25]; 2) анализируются этнопсихологические аспекты восприятия мемов представителями разных лингвокультур [26]; 3) изучаются особенности восприятия вербального и визуального компонентов мемов в ракурсе возможностей и способов их декодирования представителями разных визуальных парадигм [27].

Постановка проблемы

Параллельно с цифровыми трансформациями в обществе происходят глубокие структурные изменения института семьи, что находит яркое отражение в медиадискурсе. Примером такой кардинальной трансформации может служить китайское общество, в котором на протяжении всего периода XX–XXI вв. на фоне социально-политических, экономических и технологических преобразований наблюдается устойчивая динамика изменений в сфере семейных и межпоколенческих отношений. Традиционная конфуцианская концепция «сыновней почтительности», долгое время служившая краеугольным камнем института семьи, постепенно утрачивает свое

значение, особенно среди городского населения. Старшее поколение перестает восприниматься как безусловный носитель жизненного опыта и знаний даже в сельской местности, где восприятие семьи-клана также постепенно исчезает, что в целом позволяет констатировать кризис традиционных устоев [28].

В России отношение к семье среди молодежи зачастую входит в противоречие с моральными представлениями родителей и с государственной семейной политикой, что проявляется и при освещении семейной тематики в СМИ. Исследователи [29, 30] отмечают глубокий нравственный кризис, утрату ориентиров и перенос этого конфликта из семейной сферы в другие области общественной жизни. При этом СМИ часто не обладают гибкими стратегиями, позволяющими сочетать меняющиеся общественные реалии и индивидуальные потребности с семейными ценностями. Отмечаются растущие противоречия между традиционной семейной моралью и свободой выбора личности, ведущие к многочисленным конфликтам, порожденным неодинаковым уровнем сознания у представителей разных поколений одной семьи [31].

Очевидно, что современные медиа превратились из пассивных наблюдателей в активных участников социальных конфликтов. В рамках развивающейся медиаконфликтологии изучается эта двойственная роль медиа: их взаимосвязь с социальными противоречиями, потенциал в преодолении конфликтов, а также социальные индикаторы конфликтно-ориентированной повестки [32]. Эти исследования вписываются в широкий контекст медийного измерения социокультурных противоречий [33].

Материалы и методы исследования

Методология анализа семьи как концепта, репрезентируемого в меме как поликодовом тексте должна также учитывать специфику семиотической организации имплицитных характеристик данной категории в целом, влияющих на формирование общественного мнения, а также выявлять особенности выбора коннотации и средств выражения для целенаправленного структурирования информационного пространства. При формировании методологической рамки мы опирались на различные подходы к исследованию современного медиадискурса, в первую очередь на те, которые исследуют особенности реализации вербального и визуального компонентов [34], что позволило разработать комплексную методику, включающую семиотический и контекстуальный анализы.

В мониторинге, который проводился с целью изучения особенностей репрезентации семейных отношений в мемосфере Китая и России в рамках полимодального дискурса в мае – июне 2025 г., приняли участие студенты факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, в том числе 20 носителей русской лингвокультуры и 25 – китайской. Отбор исключительно креолизованных мемов проводился вручную в случайном порядке из персонализированных лент социальных сетей, в том числе Xiaohongshu, WeChat, VK. Материал для исследования отбирался по заданным характеристикам, в соответствии с которыми в содержании мема (в изображении и/или в тексте) отражались различные аспекты семейных отношений или родственных связей по следующим векторам: дети – родители, сестры – братья, внуки – бабушки/дедушки, невестки – свекрови, зятья – тещи и т.д.

В качестве принципа отбора было принято положение о том, что конфликтные мемы выполняют функцию репрезентации одной из сторон конфликта и служат маркером отношения определенной социальной группы к тому или иному явлению, поэтому их изучение позволяет получить ценные данные о ранжировании и о степени конфликтогенности в обществе в определенный временной период.

В результате первого этапа мониторинга был собран массив мемов, отражающих тематику семейных отношений – В № = 1000, включая два массива: В КНР № = 500 и В РФ № = 500.

Далее был проведен отсев повторяющихся и нерелевантных мемов, в результате которого была сформирована выборка В1 № = 611, в том числе В1 КНР № = 276 и В1 РФ № = 335.

На следующем этапе проводился анализ присутствия конфликта в содержании вошедших в выборку мемов. После фиксации признаков конфликта из массива В1 были отобраны мемы с признаками конфликта В2 № = 456, в том числе В2 РФ № = 186 и В2 КНР № = 270. Дальнейшая процедура предполагала более глубокий анализ и классификацию мемов из массива В2. Для решения этой задачи была использована апробированная ранее методика анализа конфликтности [18], включающая следующие индикаторы: 1) признаки конфликта, уровень локализации конфликта (изображение, текст или визуально-вербальная совокупность); 2) субъекты конфликта; 3) характер конфликта; 4) способ выражения конфликта. В результате из общего массива мемов с признаками конфликта были выделены мемы с эксплицитным, то есть проявленным явно конфликтом – В3 № = 236, включая В3 РФ № = 190 и В3 КНР № = 46, а также мемы с конфликтом, обозначенным как латентный, имплицитный, – В4 № = 220, включая В4 КНР № = 140 и В4 РФ № = 80.

Результаты и обсуждение

В ходе первой процедуры были сформированы четыре основные группы мемов для проведения дальнейших этапов исследования:

- 1) массив мемов политематической направленности (В1 КНР № = 276 и В1 РФ № = 335);
- 2) массив мемов с признаками конфликта разного уровня (В2 КНР № = 186 и В2 РФ № = 270);
- 3) массив мемов с явным (эксплицитным) конфликтом (В3 КНР № = 46 и В3 РФ № = 190);
- 4) массив мемов с латентным (имплицитным) конфликтом (В4 КНР № = 140 и В4 РФ № = 80).

Дальнейшие этапы анализа последовательно отражены в таблицах.

Таблица 1. Наличие конфликта в содержании мема

Наличие конфликта	КНР		РФ	
	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %
Да	186	67,39	270	80,6
Нет	90	32,61	65	19,4
Всего	276	100	335	100

Табл. 1 показывает, что количество конфликтных мемов в российском массиве больше, чем в китайском, так же, как и то, что в российской выборке число мемов с явно выраженным конфликтом (эксплицитным) значительно выше. Для китайской мемосферы, как и для китайской культуры в целом, принадлежащей к конфуцианскому типу (для него характерны почтительность по отношению к старшим, высокая ценность иерархии, культ семьи) явно выраженная конфронтация, которая может заключаться в бранной лексике, изображении рукоприкладства и т.д., является, скорее, исключением.

Из табл. 2 видно, что локализация конфликта в разных частях мема показывает определенные этнокультурные различия: в российских мемах заметно чаще для трансляции конфликта используется текст, в то время как в китайских мемах акцент на текст встречается очень редко.

В табл. 3 представлены результаты анализа по категории «Субъекты конфликта»: подавляющее число субъектов – это люди или антропоморфные существа, представляющие членов семьи. В российских мемах нередко субъектами выступают персонажи картин классической

Таблица 2. Локализация конфликта в структуре мема

Признаки	КНР		РФ	
	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %	Количество мемов с конфликтом	Доля мемов с конфликтом, %
Только в изображении	14	7,53	21	7,7
Только в тексте	3	1,61	45	16,6
В изображении и подписи	169	90,86	204	75,7
Всего	186	100	270	100

Таблица 3. Субъекты конфликта в меме

Субъекты	КНР		РФ	
	Количество мемов	Доля мемов, %	Количество мемов	Доля мемов, %
Люди, антропоморфные существа	112	60,22	192	71,1
Вымышленные персонажи массовой культуры, персонажи мультфильмов или фильмов	62	33,33	52	19,2
Животные	7	3,76	7	2,5
Тексты	4	2,15	8	3
Знаменитости, актеры и пр.	1	0,54	11	4,2
Всего	186	100	270	100

живописи. Пример на рис. 1 демонстрирует конфликт «дети — родители» («Скажи мне, Настя, я плохая мать?» — «Я Кирилл...»). При этом в китайских мемах заметно чаще встречаются вымышленные персонажи массовой культуры — рисованные герои мультфильмов или анимэ, что отражает особенности китайской массовой культуры (рис. 5).

Большинство конфликтов семейного типа в обеих мемосферах приходится на конфликты «отцы»/«дети», участниками которых являются дети-подростки и взрослые дети. Характерно, что их доля заметно выше в российской выборке в сравнении с китайской (58% против 38%). Это указывает на большую остроту конфликта в российском обществе и свидетельствует о том, что в китайском обществе, невзирая на трансформации института семьи и эрозию ее традиционной модели, родительский авторитет и примат иерархической почтительности значительно выше, чем в российском.

Существенные различия также показывает набор субъектов семейных отношений. Мемов, отражающих отношения, например, с дядей, тетей, двоюродными братьями и сестрами в китайском массиве больше, что свидетельствует в целом о более широком диапазоне взаимодействия в китайской семье. Кроме того, в китайских мемах частым является использование обобщающих понятие семьи слов, таких как «родня», «родные», «родственники» (рис. 2). Таким образом, для китайской лингвокультуры, даже в современных условиях, концепт «родня» играет основополагающую роль, в то время как в российских мемах из всех родственников упоминаются только бабушки (рис. 3).

Наиболее существенные различия были зафиксированы в результатах анализа уровня эксплицитности конфликта. Явное присутствие конфликта зафиксировано в 70% российских и лишь в 14% китайских мемов (в пять раз меньше) (Табл. 4). Такая большая доля мем-контента с явным конфликтом может свидетельствовать о более высоком уровне агрессии, а также о недостаточных сдерживающих факторах в использовании табуированной, бранной или просто

грубой лексики, а также в изображении действий, носящих агрессивный или оскорбительный характер. Причем конфликтный эффект зачастую усиливается диссонансом между изображением и текстом: например, бесконфликтное изображение сочетается с бранной лексикой или, наоборот, изображение агрессивного действия — с нейтральным текстом (рис. 4). В российских мемах встречается уничижительная («позорище», «урод», «идиот», «тварь» и пр.) и даже obscene лексика, что, к сожалению, свидетельствует о высоком градусе конфронтации в российской цифровой меметической культуре.

В китайской меметической культуре конфликт эксплицируется чаще не семантически, а при помощи визуальных средств (угрожающие позы, выражения лица и пр.) Характерным примером является конфликт со свекровью, где агрессивная поза и выражение лица сочетаются с нейтральной подписью «Твоя свекровь здесь» (рис. 5).

В табл. 5 представлены результаты анализа особенностей репрезентации латентного конфликта.

Рис. 1. «Скажи мне, я плохая мать?»¹

Fig. 1. “Tell me, am I a bad mother?”

Рис. 2. «Когда тебе 30 и ты не замужем»²

Fig. 2. “When You're 30 and Unmarried”

¹ Скажи мне, Настя, я плохая мать? // Пикабу. URL: https://pikabu.ru/story/skazhi_mne_nastya_ya_plokhaya_mat_12730431 (дата обращения: 20.04.2026).

² URL: https://www.xiaohongshu.com/discovery/item/69e298ac000000001a02ce0e?app_platform=android&ignoreEngage=true&app_version=9.47.0&share_from_user_hidden=true&xsec_source=app_share&type=normal&xsec_token=CB1DFEhUx8LptxNBN9Ww4zecTS19qyoR5-MMvqeoSxO9M%3D&author_share=1&xhsshare=&shareRedId=N0xGQjs4RTs2NzUyOTgwNjY0OTc4OTw6&apptime=1790096394&share_id=e15f59d4a9fd4161870d98e7c7f4dc14&share_channel=qq&qq_aio_chat_type=2 (дата обращения: 21.05.2025).

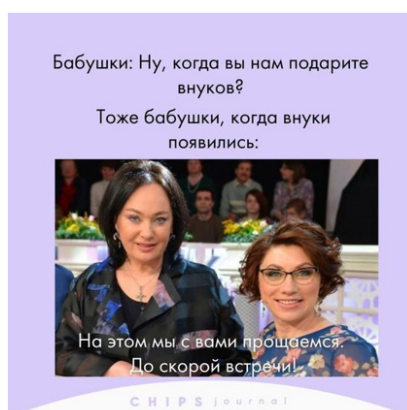

Рис. 3. «Когда вы нам подарите внуков?»³
Fig. 3. “When will you give us grandchildren?”

Когда младшая сестра хочет пожаловаться
на тебя родителям

Рис. 4. «Я и младшая сестра»⁴
Fig. 4. “My Younger Sister and I”

Рис. 5. «Твоя свекровь здесь»⁵
Fig. 5. “Your mother-in-law is here”

³ АйДаПрикол. URL: <https://idaprikol.ru/picture/babuski-nu-kogda-vy-nam-podarite-vnukov-toze-babuski-kogda-VCPngEYCA> (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Ответ на пост «Перепадка из-за цены на газ с президентом Молдовы» // Пикабу. URL: https://pikabu.ru/story/otvet_na_post_perepalka_iz_zha_tsenyi_na_gaz_s_prezidentom_moldovyi_9425163 (дата обращения: 22.05.2025).

⁵ URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/399115795> (дата обращения: 12.04.2025).

Таблица 4. Тип конфликта в меме

Тип конфликта	КНР		РФ	
	Количество мемов	Доля мемов, %	Количество мемов	Доля мемов, %
Явный	46	24,73	190	70,3
Латентный	140	75,27	80	29,6
Всего	186	100	270	100

Таблица 5. Характеристики скрытого конфликта

Характеристики	КНР		РФ	
	Количество мемов	Доля мемов, %	Количество мемов	Доля мемов, %
Ценностный	44	31,43	18	22,5
Общая негативная установка	96	68,57	62	77,5
Всего	140	100	80	100

Для анализа латентного конфликта было решено разделить его на такие составляющие, как ценностный конфликт (разное отношение детей и родителей к работе, увлечениям, браку, деньгам и т.д.) и конфликт, связанный с общей негативной установкой. Оба показателя в китайской и российской выборках примерно на одинаковом уровне, с превалированием общей негативной установки, в принципе характерной для латентного конфликта.

Ограничения и дискуссия

В качестве ограничений в данном исследовании следует отметить то, что оно проводилось с привлечением специфической группы участников и исполнителей, в основном сотрудников и учащихся факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, в той или иной степени погруженных в контекст российской и китайской мемосфер. Часть участников имела предшествующий опыт работы с мемами, что могло отразиться на результатах опроса, поскольку опыт взаимодействия с материалом сходных типов приводит к трансформации стратегий когнитивной обработки. Также ограничением являлось то, что работа проводилась на двух языках: это требовало дополнительных усилий по переводу и трактовке содержания мемов на этапе контент-анализа. Полученные данные выявили ключевые критерии идентификации этнокультурной мемосферы на тему семейных отношений, однако предшествующий опыт работы с мемами показывает, что требуются отдельная проработка и выявление корреляций уровня конфликтности мемосферы с соответствующими процессами и тенденциями в обществе.

Выводы

Исходя из поставленной цели был зафиксирован ряд тенденций, связанных с состоянием меметической культуры и отражающих ключевые стратегии в конструировании конфликтной повестки по теме семейных отношений в российской и китайской мемосферах. Исследование показало, что этнокультурная специфика проявляется как в плане конструирования мемов, так и на семиотическом уровне. При этом следует обратить особое внимание на то, что репрезентация конфликта содержит этнокультурные референции и отражает не только специфику семейных отношений, но также общий уровень конфликтности в обществе.

Проведенное исследование выявило, что наиболее существенная дивергенция наблюдается в уровне конфликтности: для российской цифровой культуры характерна высокая степень

эскалации — 70,3% конфликтных мемов носят эксплицитный характер, в то время как в китайской выборке доминирует латентный конфликт (75,9%), а явная конфронтация зафиксирована лишь в 14,1% случаев. Данное различие, вероятно, обусловлено социокультурными особенностями китайской культуры, которая основывается на конфуцианских паттернах («сыновняя почтительность»), способствующих сохранению ценности семейной иерархии.

Локализация конфликта также демонстрирует кросс-культурные расхождения. Российская мемосфера допускает большую автономию вербального компонента (16,6% чисто текстовых мемов против 1,61% в КНР). Различается и субъектный состав: если в России доминирует человек или антропоморфное изображение (71,1%), то в Китае значительную долю занимают вымышленные персонажи массовой культуры (33,33%), выступающие буфером для трансляции социального недовольства.

Исследование подтвердило статус мема как поликодовой единицы интернет-коммуникации и как полимодального медиапродукта, ориентированного на массовую аудиторию и генерирующего смыслы/контексты с одновременным использованием широкого набора кодов. В то же время конфликтологический сравнительный анализ российских и китайских мемов семейной тематики на этом этапе выявил, что мем не может однозначно рассматриваться как универсальная коммуникативная единица, так как и вербальные, и визуальные элементы креолизованного мема в большинстве случаев содержат эксплицитные и имплицитные отсылки к национальному культурному коду.

Мем-повестка, отражающая семейные отношения в обществе, остро и быстро реагирует на смену ценностных парадигм, в том числе и тех, которые происходят в семейном укладе, то есть через фиксацию в медиапространстве изменений фактически формирует устойчивые нарративы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Тарасов Е.Ф.** Смысловое восприятие креолизованного текста // Креолизованный текст: смысловое восприятие: коллективная монография / отв. ред. В.И. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН. 2020. С. 9–15.
2. **Чернявская В.Е.** Визуальность в социокультурной проекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотик. 2021. № 2 (28). С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
3. **Абдрафикова А.А., Чемодурова З.М.** Поликодовость как стратегия построения современного художественного текста // Дискурс. 2025. № 11 (6). С. 120–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132
4. **Фомин А.Г., Габитов Ш.Р.** Поликодовость как фактор эффективности коммуникации (на материале новостных постов в Telegram) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2025. № 2 (70). С. 19–32. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32
5. **Шомова С.А.** Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 399–424. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1977
6. **Позднякова Ю.** Мем как средство популяризации науки (на примере сообщества «классный ученый») // Динамика медиасистем. 2026. Т. 6. № 2. С. 308–312. DOI: 10.47475/2949-3390-2026-6-2-308-312
7. **Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е.** Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолитературистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
8. **Dynel M.** “I have Seen Image Macros!”: Advice Animal Memes as Visual-Verbal Jokes // International Journal of Communication. 2016. Iss. 10. P. 660–668.
9. **Shifman L.** Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 200 p. DOI: 10.7551/mitpress/9429.001.0001

10. **Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В.** Лингвикокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2023. № 6. С. 43–49. DOI: 10.20339/PhS.6-23.043
11. **Смирнова О.В., Шкондин М.В., Денисова Г.В., Стебловская С.Б.** Индикаторы конфликтности в российском медиадискурсе: анализ интернет-мемов // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11. № 1. С. 41–58. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).41-58
12. **Giorgi G.** Exploring generational othering through Internet memes // *The Sociological Review*. 2025. Vol. 74. Iss. 1. P. 194–215 DOI: 10.1177/00380261251314555
13. **Connolly J.** Generational Conflict and the Sociology of Generations: Mannheim and Elias Reconsidered // *Theory, Culture & Society*. 2019. Vol. 36. Iss. 7–8. P. 153–172. DOI: 10.1177/026327-6419827085
14. **Casey A.** The role of internet memes in shaping young people's health-related social media interactions // *Digital Health: Sociological Perspectives*. 2018. Vol. 3. Iss. 2. P. 185–200. DOI: 10.4324/9781351026987-14
15. **Giorgi G.** Methodological directions for the study of memes // *Handbook of Research on Advanced Research Methodologies for a Digital Society* / ed. by G. Punziano, A. Delli Paoli. IGI Global, 2022. P. 627–663. DOI: 10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036
16. **Dynel M.** Memefying deception and deceptive memefication: Multimodal deception on social media // *From Lying to Perjury. Linguistic and Legal Perspectives on Lies and Other Falsehoods* / ed. by L.R. Horn. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2022. P. 139–162. DOI: 10.1515/9783110733730-007
17. **Bolin G.** Generational 'we-sense', 'they-sense' and narrative: An epistemological approach to media and social change // *Empiria: Revista de metodología de ciencias sociales*. 2019. Iss. 42. P. 21–36. DOI: 10.5944/empiria.42.2019.23249
18. **Boccia Artieri G.** Generational 'We sense' in the Networked Space: User Generated Representation of the Youngest Generation // *Broadband Society and Generational Changes* / ed. by F. Colombo, L. Fortunati, Frankfurt am Main: Peter Lang. 2011. P. 109–120.
19. **Marhánková J.** The changing practices and meanings of grandparenthood. Reflections on the demographical trends and changing representations of ageing // *Sociology Compass*. 2015. Vol. 9. Iss. 4. P. 309–319. DOI: 10.1111/soc4.12259
20. **Wiggins B.E., Bowers G.B.** Memes as Genre: A Structural Analysis of the Memescape // *New Media & Society*. 2015. Vol. 17. Iss. 11. P. 1886–1906. DOI: 10.1177/1461444814535194
21. **Nissenbaum A., Shifman L.** Internet Memes as Contested Cultural Capital: The Case of 4chan's /b/ Board // *New Media & Society*. 2017. Vol. 19. Iss. 4. P. 483–501. DOI: 10.1177/1461444815609313
22. **Ross A.S., Rivers D.J.** Internet Memes as Polyvocal Political Participation // *The Presidency and Social Media: Discourse, Disruption, and Digital Democracy in the 2016 Presidential Election* / ed. by Schill, J.A. Hendricks. New York: Routledge, 2018. P. 285–308.
23. **Вартанова Е.Л.** Понятие «репрезентация» в дискурсе медиаисследований // *Социальный конфликт в цифровой медиасреде: репрезентация, речевой дискурс, актуальные вызовы: коллективная монография* / под общ. ред. Е.Л. Вартановой. М.: URSS, 2025. С. 45–53.
24. **Манович Л.** Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 250 с.
25. **Manovich L.** Cultural Analytics. London; Cambridge, MA: MIT Press, 2020. 318 p.
26. **Smirnova O.V., Denisova G.V., Svitich L.G., Lin Ch., Steblovskaia S.B., Antipova A.S.** Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2020. Vol. 13. Iss. 4. P. 148–167. DOI: 10.11621/PIR.2020.0410
27. **Сапунова О.В., Денисова Г.В., Гладкова А.А.** Кросскультурные особенности реализации конфликта визуального и вербального компонента в условиях цифровизации // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 2. С. 123–134. DOI: 10.18721/JHSS.15212
28. **Ван М., Цун Л.** Структура семьи и традиции семейных отношений в Китайской Народной Республике в историко-социальном контексте // *Социология*. 2020. № 4. С. 174–180.
29. **Шабунова А.А., Калачикова О.Н.** Современная российская семья: кризис или эволюция // *Социальное пространство*. 2024. Т. 10. № 2. Ст. № 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2
30. **Бархатов Е.Д.** Кризис института семьи в России: предпосылки, теория и практика // *Ex jure*. 2026. № 2. С. 155–162. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-2-155-162
31. **Смирнова О.В., Фролова Т.И.** Кризис семьи в медиаизмерениях (анализ текстов российских СМИ) // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2011. № 1. С. 203–227.

32. Демина И.Н., Шкондин М.В. Журналистика в мире повседневности: слагаемые конвенциональной целостности как фактора преодоления конфликтов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1 (34). С. 134–143. DOI: https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_1_134

33. Смирнова О.В., Шкондин М.В., Сивякова Е.В. Медийное измерение социальных противоречий как направление университетского научного дискурса // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 4. С. 585–596. DOI: [10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).585-596](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).585-596)

34. Сапунова О.В., Денисова Г.В., Гладкова А.А. Кросскультурные особенности реализации конфликта визуального и вербального компонента в условиях цифровизации // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 2. С. 123–134. DOI: [10.18721/JHSS.15212](https://doi.org/10.18721/JHSS.15212)

REFERENCES

[1] Tarasov Ye.F., Smyslovoye vospriyatiye kreolizovannogo teksta [Semantic perception of a creolized text], Kreolizovannyi tekst: smyslovoye vospriyatiye [Creolized text: semantic perception], collective monograph, ed. by V.I. Vashunina, Institut yazykoznaniiya RAN, Moscow, pp. 9–15. 2020.

[2] Chernyavskaya V.E., Image and Visuality in Sociocultural Dimension, ИРАЭХМА. Journal of Visual Semiotics, 2 (28) (2021) 96–109. DOI: [10.23951/2312-7899-2021-2-96-109](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-2-96-109)

[3] Abdrafikova A.A., Chemodurova Z.M., Polycode Strategy in Contemporary Fiction, Discourse, 11 (6) (2025) 120–132. DOI: [10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-120-132)

[4] Fomin A.G., Gabitov Sh.R., Multimodality as a Factor of Effective Communication (Based on News Messages on Telegram), LUNN Bulletin, 2 (70) (2025) 19–32. DOI: [10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32](https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32)

[5] Shomova S.A., Meme Chronicler: Representation of the Pandemic News Agenda in the Runet Memetic Content, Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 5 (2021) 399–424. DOI: [10.14515/monitoring.2021.5.1977](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977)

[6] Pozdnyakova J., The meme as an instrument of science popularization (the case of the ‘klassnyi uchenyi’ online community), Dynamics of Media Systems, 6 (2) (2026) 308–312. DOI: [10.47475/2949-3390-2026-6-2-308-312](https://doi.org/10.47475/2949-3390-2026-6-2-308-312)

[7] Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E., Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (1) (2022) 103–124. DOI: [10.21638/spbu09.2022.106](https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106)

[8] Dynel M., “I have Seen Image Macros!”: Advice Animal Memes as Visual-Verbal Jokes, International Journal of Communication, 10 (2016) 660–668.

[9] Shifman L., Memes in Digital Culture, MIT Press, Cambridge, MA, 2014. DOI: [10.7551/mitpress/9429.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001)

[10] Denisova G.V., Smirnova O.V., Sapunova O.V., Linguocultural Universalities as the Determining Factor in Perceiving Memes, Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6 (2023) 43–49. DOI: [10.20339/PhS.6-23.043](https://doi.org/10.20339/PhS.6-23.043)

[11] Smirnova O.V., Shkondin M.V., Denisova G.V., Steblovskaia S.B., Conflict Indicators in Russian Media Discourse: Internet-Meme Analysis, Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism, 11 (1) (2022) 41–58. DOI: [10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).41-58](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).41-58)

[12] Giorgi G., Exploring generational othering through Internet memes, The Sociological Review, 74 (1) (2025) 194–215. DOI: [10.1177/00380261251314555](https://doi.org/10.1177/00380261251314555)

[13] Connolly J., Generational Conflict and the Sociology of Generations: Mannheim and Elias Reconsidered, Theory, Culture & Society, 36 (7–8) (2019) 153–172. DOI: [10.1177/0263276419827085](https://doi.org/10.1177/0263276419827085)

[14] Casey A., The role of internet memes in shaping young people’s health-related social media interactions, Digital Health: Sociological Perspectives, 3 (2) (2018) 185–200. DOI: [10.4324/978135-1026987-14](https://doi.org/10.4324/978135-1026987-14)

[15] Giorgi G., Methodological directions for the study of memes, Handbook of Research on Advanced Research Methodologies for a Digital Society, ed. by G. Punziano, A. Delli Paoli. IGI Global, 2022, pp. 627–663. DOI: [10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036](https://doi.org/10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036)

- [16] **Dynel M.**, Memefying deception and deceptive memefication: Multimodal deception on social media, From Lying to Perjury. *Linguistic and Legal Perspectives on Lies and Other Falsehoods*, ed. by L.R. Horn, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2022, pp. 139–162. DOI: 10.1515/9783110733730-007
- [17] **Bolin G.**, Generational ‘we-sense’, ‘they-sense’ and narrative: An epistemological approach to media and social change, *Empiria: Revista de metodología de ciencias sociales*, 42 (2019) 21–36. DOI: 10.5944/empiria.42.2019.23249
- [18] **Boccia Artieri G.**, Generational ‘We sense’ in the Networked Space: User Generated Representation of the Youngest Generation, *Broadband Society and Generational Changes*, ed. by F. Colombo, L. Fortunati, Peter Lang, Frankfurt am Main, 2011, pp. 109–120.
- [19] **Marhánková J.**, The changing practices and meanings of grandparenthood. Reflections on the demographical trends and changing representations of ageing, *Sociology Compass*, 9 (4) (2015) 309–319. DOI: 10.1111/soc4.12259
- [20] **Wiggins B.E., Bowers G.B.**, Memes as Genre: A Structural Analysis of the Memescape, *New Media & Society*, 11 (17) (2015) 1886–1906. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1177/146144-4814535194>
- [21] **Nissenbaum A., Shifman L.**, Internet Memes as Contested Cultural Capital: The Case of 4chan's /b/ Board, *New Media & Society*, 19 (4) (2017) 483–501. DOI: 10.1177/1461444815609313
- [22] **Ross A.S., Rivers D.J.**, Internet Memes as Polyvocal Political Participation, *The Presidency and Social Media: Discourse, Disruption, and Digital Democracy in the 2016 Presidential Election*, ed. by Schill, J.A. Hendricks, Routledge, New York, 2018, pp. 285–308.
- [23] **Vartanova E.L.**, Ponyatiye «reprezentatsiya» v diskurse mediaaissledovaniy [Media and social conflicts: theoretical and methodological challenges of an interdisciplinary approach], *Sotsialnyy konflikt v tsifrovoy mediasrede: reprezentatsiya, rechevoy diskurs, aktualnyye vyzovy* [Social conflict in the digital media environment: representation, speech discourse, current challenges], collective monograph, ed. by E.L. Vartanova, URSS, Moscow, 2025. pp. 45–53.
- [24] **Manovich L.**, *Teorii soft-kultury* [The theories of soft-culture], Krasnaya lastochka, Nizhny Novgorod, 2017.
- [25] **Manovich L.**, *Cultural Analytics*, MIT Press, London, Cambridge, MA, 2020.
- [26] **Smirnova O.V., Denisova G.V., Svitich L.G., Lin Ch., Steblovskaia S.B., Antipova A.S.**, Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China, *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (4) (2020) 148–167. DOI: 10.11621/PIR.2020.0410
- [27] **Sapunova O.V., Denisova G.V., Gladkova A.A.**, Cross-cultural peculiarities of the conflict between the visual and verbal components viewed within the framework of digitalization, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 123–134. DOI: 10.18721/JHSS.15212.
- [28] **Wang M., Cong L.**, Family Structure and Traditions of Family Relations in the People's Republic of China in a Historical and Social Context, *Sociology*, 4 (2020) 174–180.
- [29] **Shabunova A.A., Kalachikova O.N.**, Modern Russian Family: Crisis or Evolution, *Social Area*, 10 (2) (2024) 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2
- [30] **Barkhatov E.D.**, The Crisis of the Family Institution in Russia: Background, Theory and Practice, *Ex jure*, 2 (2026) 155–162. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-2-155-162
- [31] **Smirnova O.V., Frolova T.I.**, Family Crisis in Media Measurements (the Analysis of Russian Media Texts), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 1 (2011) 203–227.
- [32] **Demina I.N., Shkondin M.V.**, Journalism in the World of Everyday Life: Components of Conventional Integrity as a Factor in Overcoming Conflicts, *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 1 (1 (34)) (2021) 134–143. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_134
- [33] **Smirnova O.V., Shkondin M.V., Sivyakova E.V.**, Social Contradictions Media Measurement as a Way of University Scientific Discourse, *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10 (4) (2021) 585–596. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(4).585-596
- [34] **Sapunova O.V., Denisova G.V., Gladkova A.A.**, Cross-cultural peculiarities of the conflict between the visual and verbal components viewed within the framework of digitalization, *Terra Linguistica*, 15 (2) (2024) 123–134. DOI: 10.18721/JHSS.15212

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Денисова Галина Валерьевна

Galina V. Denisova

E-mail: denissovagv@my.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>

Смирнова Ольга Владимировна

Olga V. Smirnova

E-mail: smirnova.olga.msu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1349-4241>

Стебловская Софья Борисовна

Sophia B. Steblovskaia

E-mail: steb1@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3866-852X>

Поступила: 10.07.2026; Одобрена: 02.09.2026; Принята: 23.09.2026.

Submitted: 10.07.2026; Approved: 02.09.2026; Accepted: 23.09.2026.